

Тапок с силой ударил по шкафу, и грохот заставил Ань Юаня вздрогнуть. Он попятился на два шага, втянул голову в плечи и сглотнул, глядя на Ань И.

Он не верил, что Ань И посмеет его ударить. В конце концов, официально он всё ещё часть клана Ань, а Ань И только сегодня вернулся из семьи Хо — устраивать сцены было бы не лучшим решением.

Однако, видя, как тот неумолимо приближается, Ань Юань вдруг понял одну простую истину: иногда человеку не стоит слишком сильно верить в собственные выводы.

— Ты... ты что творишь?! — воскликнул Ань Юань.

Ань И невозмутимо отозвался:

— Дарю тебе отцовскую любовь.

Ань Юань посмотрел на тапок в его руке и понял, что тот не шутит:

— Да брось ты, какая отцовская любовь? Зачем ты взял тапок?

— Отцовская любовь подобна вееру, — ответил Ань И.

Ань Юань: ...

Спасите!!!

Пять минут спустя Ань Юань, морщась от боли, стоял на коленях на кожаном ковре. Ощущение было такое, будто всё ниже спины и до самых бедер охватило огнем.

Какая там отцовская любовь — это же чистой воды домашнее насилие!

Ань И спокойно надел тапок обратно. Ань Юань, с чела которого градом катился холодный пот, прошипел:

— Ты мстишь мне за то, что тебе не понравились мои слова?

Ань И обернулся:

— Нет. Я сегодня приехал с намерением наладить с тобой дружеские отношения.

Ань Юань опешил:

— Тогда почему ты меня ударил?

Ань И, сохраняя вежливость, присущую маленькой лягушке, ответил:

— Потому что ты был со мной недружелюбен.

Ань Юань: ...

Ань И не собирался сводить с ним счеты. Конечно, вспоминая свое прошлое в сравнении с жизнью Ань Юаня, он не мог не чувствовать легкой горечи, но как бы сильно он ни переживал, первые двадцать лет жизни уже не вернуть. Оставалось только смотреть вперед, и он верил, что сможет пройти долгий путь.

Но Ань Юань продолжал ворошить старое, что его порядком раздражало, а потом и вовсе потребовал вернуть ему отцовскую любовь. На такие глупые просьбы маленькая лягушка всегда отвечала с готовностью.

Он снял тапок, взял его в руку и с легким недоумением посмотрел на Ань Юаня. Кто же знал, что у того такие странные пристрастия? Что ж, раз уж ты так просил — держи.

Ань Юань долго не мог прийти в себя, лежа на полу. Когда Ань И его бил, он едва не подпрыгивал от боли, но боялся издать хоть звук, чтобы никто не услышал их в музыкальной комнате. Пришлось стиснуть зубы так, что лицо стало пунцовым.

Если Ань Шаофэн узнает, что он искал встречи с Ань И, будет беда.

— Ты ударил меня, потому что я был недружелюбен? — спросил Ань Юань.

Ань И подошел к двери:

— Разве не ты просил меня вернуть тебе отцовскую любовь? Вот она, в том виде, в каком я её познал. Ты хотел — я вернул.

Эти слова подействовали на Ань Юаня как ледяной душ. Все его прежние фантазии о том, как Ань И счастливо жил в горах, рассыпались в прах, а чувство вины, которое он и так испытывал, стало еще острее. Он не хотел быть должником Ань И, он придумывал эти истории, чтобы самому стало легче, но реальность оказалась диаметрально противоположной.

Ань И вышел из комнаты, не обернувшись. На самом деле, его чувства к приемному отцу были крайне сложными. Тот не был хорошим отцом, но все же был единственным, кого он знал первые двадцать лет. В тех горных краях царили феодальные порядки и вера в то, что только палка может воспитать достойного ребенка.

В детстве, когда он был слишком озорным, отец бил его подошвой тапка. А когда не стало приемной матери, их дом превратился в руины. Отец начал пить, его характер испортился, чувства к сыну угасли. Казалось, он ни дня не был трезв, жил в каком-то тумане, и под одной

крышей они могли не перемолвиться и словом за десять дней.

Когда Ань И ушел, Ань Юань долго не мог подняться. Наконец, он доковылял до двери, взялся за ручку и собрался уходить. Но стоило ему открыть дверь, как он наткнулся на высокую фигуру. Зрачки Ань Юаня сузились от ужаса:

— Папа!

Ань Шаофэн, бледный как полотно, смотрел на него ледяным взглядом. Не говоря ни слова, он отвесил сыну пощечину.

— Ань Юань, я тебе что говорил!

Удар был неожиданным и сильным. Ань Юань покачнулся, едва не упав, а щека мгновенно распухла. Он покрылся холодным потом. Он не ожидал, что отец будет стоять за дверью. Ань И ушел совсем недавно, и по звуку шагов было ясно, что он спустился вниз. Если бы Ань И пошел жаловаться, Ань Шаофэн поднимался бы по лестнице, но Ань Юань не слышал звука шагов.

Значит, Ань И не жаловался, а Ань Шаофэн всё это время стоял за дверью.

Ань Юань в панике ухватился за косяк:

— Папа, я не нарочно! Мне просто было так тяжело, я не хочу быть должен Ань И!

Ань Шаофэн был в такой ярости, что у него на лбу вздулись вены:

— Ты не хочешь быть должен? Поэтому ты пошел к нему с такими разговорами?! Я же ясно сказал: все акции, которыми я владею в компании, принадлежат Ань И! Это его законная доля, ты что, не понимаешь?! Ты совсем из ума выжил, зачем ты к нему пристал?!

Ань Шаофэн был уверен, что выразился предельно ясно, и не ожидал, что Ань Юань окажется таким безмозглым. Жадность фраера сгубила — Ань Юань не понимал ни границ, ни элементарной логики.

Глядя на разъяренного отца, Ань Юань сложил руки в мольбе:

— Папа, я правда не хотел! Мне было так страшно, что ты отдаешь предпочтение Ань И, ведь он твой родной сын. Я боялся, что однажды ты просто выставишь меня за дверь. Я ошибся, я знаю, что не должен был этого делать, не должен был искать Ань И. Прости, я больше никогда не буду!

Если Ань Шаофэн действительно лишит его поддержки и выгонит, что он будет делать? Ань Юань не смел даже думать об этом. Огромное чувство раскаяния поглотило его.

Ань Шаофэн с трудом сдерживался:

— Возвращайся в комнату и собирай вещи.

Ань Юань от страха осел на пол:

— Папа, что ты задумал?!

— Ты хотел родственных связей? — отрезал Ань Шаофэн. — Поживи год там, где раньше жил Ань И. За тобой приедут, с голоду не умрешь.

Ань Юань остолбенел. Провести год в тех горах? Кто знает, что там за условия, разве это место для жизни? Его глаза налились кровью:

— Папа!

— А чего ты еще хотел? — рявкнул Ань Шаофэн. — Сказал же, за тобой присмотрят. Года тебе мало?!

Ань Юань хотел умолять о пощаде, он не хотел туда ехать. Даже если кто-то будет навещать его раз в два месяца, как он там выживет? Он не умел готовить, не знал, как устроить быт.

— Папа, умоляю...

Ань Шаофэн оттолкнул его:

— Если не хочешь этой возможности, будет не один год, а больше!

— Хочу, хочу! Папа, я поеду, — поспешно ответил Ань Юань.

Он не смел больше раздражать отца и поплелся в комнату собирать вещи. Он был должен Ань И. Жизнь, которой жил Ань И, была совсем не такой, как он себе представлял. Только сейчас, услышав слова отца, он по-настоящему испугался и осознал, как тяжело приходилось Ань И.

Но как он выдержит этот год? Он даже думать об этом боялся. И не мог представить, как Ань И выживал там целых двадцать лет.

Спустившись вниз, Ань И не пошел в гостиную. На втором этаже он свернул в свою старую комнату, порылся в вещах и нашел желтый тканевый мешочек с узором из подсолнухов. Он собирался использовать его, чтобы носить журналы с качками.

Глядя на цветы на ткани, Ань И остался доволен.

Настоящий крутой парень должен носить вещи с цветочками.

Забрав мешочек, он наконец спустился в гостиную. Чэнь Линь и Хо Бэйсин сидели на диване и, судя по всему, отлично проводили время. На красивом лице Хо Бэйсина сияла радость, а на журнальном столике стоял недоеденный торт с виноградом. По телевизору показывали мультфильм «Сад чудес».

Хо Бэйсин, судя по всему, услышал что-то интересное, его глаза загорелись, он восторженно кивал, выглядя при этом немного глуповато.

Заметив интерес Хо Бэйсина, Чэнь Линь улыбнулась и поманила слугу. Тот склонился, она что-то прошептала ему на ухо, слуга кивнул и быстро направился к лестнице.

Ань И подошел ближе. Хо Бэйсин, увидев его, быстро отодвинулся в сторону, подозрительно огляделся по сторонам и, не обнаружив того «гнома», который хотел пожать руку его жене, снова расплылся в глуповатой улыбке. Он похлопал по освободившемуся месту рядом с собой, приглашая Ань И сесть.

Хотя диван был огромным и места хватало всем, Ань И не стал отказываться. Дружелюбное общение поможет Чэнь Линь меньше волноваться. Иначе с её воображением она еще напридумывает себе картин, как его пытаются. Ань И хотел, чтобы она успокоилась — в конце концов, в семье Хо ему жилось неплохо.

В основном благодаря тем десяти квартирам, что он носил на шее. Они обеспечили ему безбедное существование на всю жизнь. Если бы он знал, что Чэнь Линь будет так переживать, он бы принес ожерелье с собой.

Сев, Ань И спросил, о чем они говорили.

Чэнь Линь улыбнулась:

— Я спросила Бэйсина, не хочет ли он посмотреть твои старые фотографии. Он согласился, и я отправила человека их принести.

Ань И застыл, его глаза расширились. Старые фотографии? Неужели те, что были год назад?!

Ему не нужно было объяснять: он помнил, что тогда был черным, как уголь, черты лица на фото почти не различались, единственное, что можно было разглядеть — это его белые зубы. Выглядел он так, будто только что вылез из угольной шахты.

— Альбом всегда лежал у твоего отца в кабинете, я только что попросила его принести, — добавила Чэнь Линь.

В этот момент слышались шаги — слуга вернулся с кожаным альбомом в руках.

Почему-то Ань И почувствовал сопротивление. Он не хотел, чтобы Хо Бэйсин видел его такими. Когда он только попал в семью Хо, фотографии были только у дяди Чжуна, и тот говорил, что не показывал их Хо Бэйсину.

Ань И прекрасно понимал, почему. До того как Хо Бэйсин стал таким, он был избалован вниманием, видел множество красавцев и обладал своим вкусом. Если бы он увидел те фото, может, еще до свадьбы закатил бы скандал. На тех снимках он выглядел, мягко говоря, не очень — разве что зубы были в порядке.

Когда Ань Шаофэн впервые взял его на благотворительный вечер, ситуация была похожей: по сравнению с остальными он выглядел так, будто только что закончил смену в шахте. Он не знал этикета, его кругозор был узким, и он совершенно не вписывался в высшее общество.

Слуга передал альбом Чэнь Линь. Маленькая лягушка внутри него боролась:

— Может, не надо...

— Что такое, И-И? — спросила Чэнь Линь.

Ань И почесал затылок. Если он скажет нет, Чэнь Линь, конечно, уважит его просьбу. Но она ведь хотела как лучше, пытаясь помочь им сблизиться. Она не видела в тех фото ничего плохого: даже если бы он был чернее ночи, для неё он все равно оставался самым красивым ребенком на свете. Материнская любовь — это мощный фильтр.

Но Хо Бэйсин — другое дело. Даже будучи не в себе, он оставался мужчиной с определенными стандартами, да и его прошлое окружение было весьма взыскательным. Ань И как-то искал в интернете: среди тех, с кем Хо Бэйсину приписывали романы, было немало звезд первой величины.

Ань И промолчал. Хотя ему было неловко, он решил не портить им настроение.

— Нет, ничего, просто забыл, что хотел сказать.

Чэнь Линь улыбнулась:

— Вспомнишь — расскажешь.

Она начала листать альбом. Первые страницы были заняты снимками этой весны, когда кожа Ань И уже стала такой же белой, как сейчас. Но в его жизни было мало фотографий: на снимках он смотрел в камеру, стараясь выглядеть открыто, но в его виноградных глазах читалась застенчивость.

Ань И внимательно наблюдал за выражением лица Хо Бэйсина. Вскоре показалось то самое «историческое» фото. Ань И почувствовал, как перед глазами потемнело. В буквальном смысле. На ночном снимке его кожа была темной, черты лица размытыми, а улыбка — ослепительно белой.

Хо Бэйсин замер. Его персиковые глаза расширились, он сфокусировался на фотографии.

Чэнь Линь улыбнулась, как гид, объясняющий достопримечательности:

— Это И-И, спустя несколько дней после того, как он вернулся домой год назад. Его отец взял его на благотворительный вечер, и это фото сделали у отеля. Тогда кожа была немного темноватой.

Немного? — подумал Ань И. Материнская любовь явно высветлила его на несколько тонов.

Хо Бэйсин смотрел на фото так пристально, что Ань И закусил губу и начал нервно тереть штанину. Его фото было...

— Шоколадка.

Зрачки Ань И сузились.

Хо Бэйсин, сияя улыбкой, наклонился к нему и прищурился:

— Жена, ты тогда была сладкой, как шоколадка.

Пальцы Ань И дрогнули. Хо Бэйсин взял альбом и поднес его к лицу Ань И:

— Ты тогда была как шоколадка.

Ань И недоверчиво посмотрел на него. Он редко краснел, но сейчас не нашелся, что ответить, и просто отвернулся.

Хо Бэйсин, похоже, был очарован этой фотографией. Он разглядывал её минут десять и не перелистывал страницу. Ань И почувствовал, как лицо начинает гореть, и решил подняться в кабинет, чтобы, пока Хо Бэйсин занят, спрятать свои журналы.

На лестнице он столкнулся с Ань Шаофэном.

— Вы там внизу альбом смотрите? — спросил тот.

Ань И покачал головой:

— Нет.

Странно, почему он не может найти альбом? В кабинете на полке, где тот всегда стоял, было пусто.

— Это мама и Хо Бэйсин смотрят, — добавил Ань И.

Без меня.

Честная маленькая лягушка.jpg

Ань Шаофэн: ...

Когда Ань Шаофэн спустился вниз, он услышал, как Хо Бэйсин, указывая на фотографию, радостно спрашивает Чэнь Линь:

— Можно мне эту фотографию?

Ань Шаофэн: !

Он подбежал ближе и увидел, что тот указывает на классический снимок «белозубого» Ань И. У него была всего одна такая копия — оригинал, который он отправил в семью Хо. И теперь он должен отдать её? Ни за что. Ни в коем случае!

— Нельзя, — отрезал Ань Шаофэн.

Хо Бэйсин поднял на него глаза, полные мольбы. Ань Шаофэн стиснул зубы: у него была лишь одна копия, и он не мог её отдать, как бы того ни хотелось. Он думал, что Хо Бэйсин, с его детским разумом, расстроится, но тот лишь спокойно ответил:

— Ну ладно.

Ань Шаофэн удивился:

— Если я не дам, ты не расстроишься?

Хо Бэйсин покачал головой:

— Конечно нет, ничего страшного.

Час спустя Ань И и Хо Бэйсин уехали из дома Ань. Провожая их взглядом, Ань Шаофэн почувствовал облегчение. Хо Бэйсин, хоть и не в себе, оказался послушным и понятливым парнем. Даже если ему отказывают, он не злится. Раньше о нем ходила дурная слава, но сейчас он казался вполне приятным. В конце концов, что сделал Хо-второй — это одно, а Хо Бэйсин — совсем другое. Раз он так легко принял отказ, значит, хороший парень.

Ань Шаофэн с улыбкой открыл альбом, чтобы снова полюбоваться «белозубым» шедевром, но страница оказалась пустой.

Ань Шаофэн: ...

В памяти всплыли слова Хо Бэйсина о том, что «ничего страшного».

Ничего страшного, если не даешь — я могу украсть.

Ань Шаофэн смотрел на пустой альбом. И правда, ничего страшного, черт возьми!

Чэнь Линь, увидев выражение лица мужа, спросила:

— Что случилось?

Ань Шаофэн глубоко вздохнул:

— Бандит... настоящий бандит!

Домой они вернулись после десяти вечера. Едва добравшись до кровати, маленькая лягушка тут же отправилась в объятия Морфея. Хо Бэйсин лежал на боку, глядя на Ань И, и мысленно решил, что завтра утром у него есть важное дело.

Поцелуй доброго утра!

Именно в этом эпизоде сериала, который он смотрел, сбежавшая невеста никуда не делась. Ему нужно следовать сценарию, чтобы поскорее завоевать сердце жены и завести кучу детей.

С этой прекрасной мечтой Хо Бэйсин уснул. Но утром, проснувшись и взглянув на соседнюю подушку, он обнаружил, что место пусто.

Второй акт провалился. Главный герой остался ни с чем. Спустившись вниз, он узнал от дяди Чжуна, что у Ань И сегодня работа, и он уехал ни свет ни заря.

— Господин Ань И, кажется, на какой-то показ, уехал рано, — пояснил дядя Чжун.

Утро началось без поцелуя, и настроение Хо Бэйсина с самого начала было отвратительным. А тут еще и урок плавания. Пришлось с мрачной физиономией, закинув на плечо огромную спортивную сумку, выйти из дома.

Из-за плохого настроения тренировка прошла особенно интенсивно. Когда Хо Бэйсин был сосредоточен, от него исходили амбиции и жажда победы. Он буквально выплескивал эмоции через спорт.

А снаружи, у цветочной клумбы, зашевелились несколько голов.

— Ты уверен, что информация точная? — прошептал папарацци номер один.

— Точнее некуда, — ответил главарь. — Источник сказал, что Хо Бэйсин часто бывает в этом бассейне, здесь мы его точно поймаем.

— А если не получится? У нас совсем нет материала, конкуренты уже выложили сенсацию про роман топ-звезды.

— Да какая разница? Кто сравнится с Хо Бэйсином? Каждые два месяца — новый заголовок: то интрижка, то слухи. Никто в шоу-бизнесе не дает такого хайпа.

Кто-то добавил:

— Точно, думаю, материал про господина Хо перекроет всё остальное.

Самый молодой папарацци, недавно устроившийся на работу, робко спросил:

— У меня вопрос: мы пришли снимать любовные похождения господина Хо, а если он выйдет один?

...

...

...

После нескольких секунд молчания главарь скомандовал:

— Заткните ему рот!

— Кто его вообще за язык тянул?!

— Белым днем такие ужасы говорить! Плюнь три раза, быстро!

Из-за «проклятия» новичка Хо Бэйсин вышел из бассейна в полном одиночестве.

Папарацци-новичок сглотнул:

— Кажется, я накаркал.

— Заткнись!

Видя, что Хо Бэйсин один, они приуныли.

— Что делать? Рядом никого нет.

— Нет никого — будем брать напором!

— Как это — напором?

— Сменим тактику: вместо скрытой съемки — интервью.

Главарь достал пресс-карту и прикрепил её к куртке.

— ...

Профессионал, ничего не скажешь.

Главарь махнул коллегам, достал микрофон и рванул вперед. Для них Хо Бэйсин был «золотой жилой». Его слухи — от кинозвезд до топ-моделей — обсуждали все. А учитывая его статус, богатство и внешность — это был «незаменимый» персонаж в мире сплетен. Люди сходили с ума, пытаясь угадать, кто станет следующей парой.

Хо Бэйсин вышел из бассейна с чернее тучи лицом. Черные волосы были зачесаны назад, подбородок скрыт воротником спортивной куртки. Его персиковые глаза, обычно игривые, сейчас излучали холодную ярость. Широкие плечи, спортивная сумка за спиной — он выглядел как модель, но, увидев выскочивших перед ним людей, нахмурился.

У него было плохое настроение, и возиться с ними он не собирался. К тому же он их даже не знал.

Папарацци, заметив его недовольство, отступили на шаг. Они не были самоубийцами. Но материал нужен был позарез — ради будущих гонораров стоило рискнуть.

— Господин Хо, можно задать пару вопросов о вашей жизни?

— Господин Хо, есть ли какие-то новости, которыми вы хотите поделиться?

— Господин Хо, вы давно не появлялись на публике, скажите хоть пару слов!

Шум раздражал Хо Бэйсина. Он шел вперед, не обращая внимания на толпу. Водитель, увидевший эту сцену, бросился на помощь:

— Извините, мы не даем интервью.

Никто не знал, что Хо Бэйсин не в себе — это было известно только узкому кругу. Если эта новость просочится в прессу, начнется настоящий хаос.

— Мы просто хотим задать пару вопросов, многие беспокоятся о жизни господина Хо!

Водитель подумал: *Кому вы нужны? У него столько денег, что беспокоиться о нем не нужно!

Вы беспокоитесь не о господине Хо, а о его пассивности! Не думайте, что я не вижу.*

Папарацци не отставали:

— Господин Хо, ответьте хоть что-то! Господин Хо...

Хо Бэйсин молчал, продолжая идти вперед.

— Господин Хо, у вас есть сейчас любимый человек?!

Хо Бэйсин остановился. Водитель едва не врезался в него.

Хо Бэйсин обернулся и посмотрел на того самого молодого папарацци:

— Ты что сказал?

Глядя на невероятно красивое, но пугающее своей свирепостью лицо Хо Бэйсина, молодой папарацци оробел. Неужели он задал не тот вопрос? Неужели сказал то, чего не следовало?

Парень нервно сглотнул, не смея проронить ни слова.

Старший из репортеров поспешно заслонил его собой:

— Господин Хо, прошу прощения. Он у нас новичок, правил не знает. Искренне извиняемся.

Хотя они и были папарацци, сейчас официально представлялись добропорядочными журналистами. Вокруг Хо Бэйсина вечно вились сплетни, и прямой вопрос о личной жизни мог легко вывести его из себя, что сулило неприятности. Однако Хо Бэйсин продолжал пристально смотреть на молодого репортера и снова повторил свой вопрос:

— Что ты только что сказал?!

Эти слова прозвучали для парня как приговор. Поняв, что уйти от ответа не удастся, он едва не прослезился, мысленно прощаясь с карьерой, которая закончилась, едва успев начаться.

В конце концов, молодому человеку пришлось набраться смелости:

— Господин Хо, есть ли у вас сейчас любимый человек?

Сказав это, парень медленно зажмурился.

Он уходил в небытие со спокойной душой, просил не поминать лихом и надеялся на встречу — правда, уже в следующей жизни.

Хо Бэйсин ответил:

— Есть.

Молодой репортер опешил:

— Что?

Не только он, но и все остальные присутствующие замерли в изумлении. Никто не ожидал, что он вообще даст какой-то ответ.

Хо Бэйсин поднял руку, достал из кармана бумажник, открыл его и поднес фотографию, которую считал своим шедевром, прямо к объективам камер.

Он сиял от гордости, демонстрируя свои клыки, и с хвастливой улыбкой произнес:

— Ну как? Красивая, правда? Прямо как шоколадка.

<http://bllate.org/book/21437/2190960>